

УДК 101.1

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СОВЕТСКОЙ И РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Т.В. Филатов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 21.09.25

В окончательном варианте: 30.10.25

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении советской и русской религиозной философии в контексте перспектив дальнейшего развития современной постсоветской философии. Актуальность исследования определяется тем, что решение данного вопроса может определить стратегию развития философии в России на длительный исторический период. Научная новизна работы заключается в обосновании авторского видения оптимального варианта подобной стратегии. Цель исследования – критически рассмотреть основные варианты решения вопроса о соотношении советской и русской религиозной философии, сформулированные в работах современных российских философов, что необходимо для обоснования авторского варианта решения данного вопроса. При этом задействуются диалектический и герменевтический методы, а также такие общелогические методы, как дедукция, индукция и аналогия, анализ и синтез. В ходе исследования рассматриваются концепции соотношения русской религиозной философии и советской философии как элементов диспозитива (В.Ю. Быстров и В.М. Камнев), как последовательности исторических этапов диалектического развития одной из ветвей интернациональной по своей природе философии с русским «национальным стилем» (А.В. Черняев), как двух исторических этапов становления профессиональной (научной) философии в России в ходе ее борьбы с мешающим ей свободно развиваться «наростом» русской религиозной философии (С.Н. Корсаков). Автор указывает, что данные исторические этапы развития отечественной философии несоизмеримы, поскольку русская философия национальна, а советская – один из этапов исторического развития мировой по своим масштабам интернациональной философии марксизма. Поэтому русская религиозная философия и советская марксистская философия не могут быть составляющими единой философской традиции; вторая исторически вытесняет первую, будучи, в свою очередь, вытеснена современной постсоветской философией. Далее указывается, что в современном мире наблюдается противоборство двух исторических тенденций – глобализации и фрагментации. При этом современная наука – одно из наиболее ярких проявлений первой тенденции, тогда как современная религия – второй. Поскольку Россия исторически занимала промежуточное положение между Востоком и Западом, она не может сегодня однозначно определиться между наукой и религией. Соответственно современная российская философия не может быть ни научной (аналогом западного позитивизма), ни религиозной (аналогом индийской философии). Наиболее органичный для нее вариант развития – экзистенциальная философия.

Ключевые слова: русская религиозная философия, советская философия, диспозитив, философование, наука, религия, глобализация, фрагментация, экзистенциализм.

TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SOVIET AND RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

T.V. Filatov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia

Original article submitted: 21.09.25

Revision submitted: 30.10.25

Abstract. The paper examines the relationship between Soviet and Russian religious philosophy in the context of prospects for further development of modern post-Soviet philosophy. The relevance of the study is determined by the fact that the solution to this issue can determine the strategy for the development of philosophy in Russia for a long historical period. The scientific novelty of the work lies in the substantiation of the author's vision of the optimal version of such a strategy. The purpose of the study is to critically examine the main options for solving the issue of the relationship between Soviet and Russian religious philosophy, formulated in the works of modern Russian philosophers, which is necessary to substantiate the author's version of solving this issue. In this case, dialectical and hermeneutic methods are used, as well as such general logical methods as deduction, induction and analogy, analysis and synthesis. The study examines the concepts of the relationship between Russian religious philosophy and Soviet philosophy as elements of a dispositive (V.Yu. Bystrov and V.M. Kamnev), as a sequence of historical stages of dialectical development of one of the branches of philosophy that is international in nature with the Russian "national style" (A.V. Chernyaev), as two historical stages of the formation of professional (scientific) philosophy in Russia in the course of its struggle with the "growth" of Russian religious philosophy that hinders its free development (S.N. Korsakov). The author points out that these historical stages of the development of Russian philosophy are incommensurable, since Russian philosophy is national, and Soviet philosophy is one of the stages in the historical development of the international philosophy of Marxism, which is global in its scale. Therefore, Russian religious philosophy and Soviet Marxist philosophy cannot be components of a single philosophical tradition; the second historically displaces the first, being, in turn, displaced by modern post-Soviet philosophy. It is further stated that in the modern world there is a confrontation between two historical trends – globalization and fragmentation. At the same time, modern science is one of the most striking manifestations of the first trend, while modern religion is the second. Since Russia historically occupied an intermediate position between the East and the West, it cannot today clearly define itself between science and religion. Accordingly, modern Russian philosophy cannot be either scientific (analogous to Western positivism) or religious (analogous to Indian philosophy). The most organic variant of development for it is existential philosophy.

Keywords: Russian religious philosophy, Soviet philosophy, dispositive, science of philosophy, science, religion, globalization, fragmentation, existentialism.

Постановка проблемы. Цель работы заключается в прояснении сложного и противоречивого характера отношения советской философии к предшествующей философской традиции в России, представленной главным образом русской религиозной философией, исторически восходящей к полемике западничества и славянофильства в 40-е годы XIX века. Дискуссии по рассматриваемой проблеме в отечественной постсоветской философии периодически возникали с начала 90-х годов прошлого века, после распада СССР, и литература по этой теме достаточно обширна. Однако к общему мнению по данному вопросу исследователи не пришли, до сих пор отстаивая различные, порой диаметрально противоположные позиции. Мы выделили и критически проанализировали наиболее значимые из них, предложив свой вариант решения проблемы.

Методы, методология исследования. Методологическую основу работы составляет диалектический метод. Поскольку осуществляется анализ разных точек зрения по рассматриваемой проблеме, выраженных в научных статьях, нами используется герменевтический метод, а также такие общелогические методы, как дедукция, индукция и аналогия, анализ и синтез.

Основная часть. Всякий раз, когда *непредвзято мыслящий* исследователь сталкивается с работами, в которых русская религиозная философия и исторически следовавшая за ней советская философия рассматриваются как два этапа единого процесса философствования, перед ним возникает очевидный вопрос: как в контексте единой философской традиции могли бы мирно сосуществовать православная религиозность русской философии и воинствующий атеизм философии советского периода, преимущественно идеалистические установки русских религиозных философов и марксистский диалектический материализм, отношение к России как к высшей цели и как к одному из подручных средств осуществления мировой революции, вера в Бога и вера во всемогущество науки, одновременное ожидание грядущего Апокалипсиса и светлого коммунистического будущего? Очевидно, что речь идет о различных и даже *диаметрально противоположных традициях философствования*, причем более поздняя фактически упраздняет более раннюю, подобно тому, как средневековая христианская философия активно вытесняла античную философию, именуя её языческой, в том числе закрывая языческие философские школы и изгоняя «неправильных» философов за пределы Римской империи. Разве не напоминают эти события наше не столь давнее прошлое, а именно «философский пароход», то есть депортацию «неправильных» русских религиозных философов за пределы «первого в мире социалистического государства»?

Развивая данную аналогию, можно утверждать, что сегодняшняя философская ситуация в России аналогична европейской эпохе Возрождения, когда начинался переход от Средневековья к современной техногенной цивилизации, сопровождавшийся отрицанием средневековой схоластики и попыткой возвращения к духовным ценностям античной культуры. Отсюда обращение к русской религиозной философии в 90-е годы XX века, сопровождавшееся преимущественно негативным истолкованием советской философии как «несвободной», и последующее травматическое желание вытравить из исторической памяти народа любые воспоминания о марксистском учении посредством его упорного замалчивания в лучших традициях эпохи постмодерна: если о чем-то не говорят, значит, его и нет.

Попытаемся разобраться, *почему* значительная часть современных российских философов упорно пытается соединить заведомо несоединимое, то есть русское,

советское и постсоветское, обратившись к различным технологиям подобного рода диалектического синтеза. Определенный интерес в данной связи вызывают статьи В.Ю. Быстрова и В.М. Камнева [1, 2], использовавших для этой цели заимствованный у М. Фуко и Дж. Агамбена концепт *диспозитива*, под которым понимается «своеобразное сочетание, сочленение разнородных элементов, связанных друг с другом лишь внешним образом» [1, с. 335]. Авторы выделяют три основных инварианта, которые, как некие «духовные скрепы», устойчиво связывают три основных периода истории отечественной философии: 1) русская (мессианская) идея; 2) преимущественная ориентация на метафизику; 3) проблема выбора между наукой и религией [1, с. 337–338]. Конечно, подобного рода схема вызывает существенные замечания, особенно в плане метафизической ориентации советского диалектического материализма, но в этой связи указывается, что «по характеру решаемых задач, по природе инструментов, избираемых для их решения, советская философия была гораздо ближе к метафизике и схоластике, а не к революционному духу диалектики» [2, с. 244–245]. Аналогичную характеристику советской философии дает В.И. Красиков: «Авторитаризм и консерватизм советского идеологического комплекса, составной частью которого была философия, сообщал ей черты, напоминающие признаки средневековой схоластики: анонимность, строго ограниченное число тем и заданные рамки их обсуждения, нарциссизм, соединенный с консерватизмом, назидательность и дидактизм» [3, с. 134]. Суть, однако, не в этом. Мессианизм в истории человечества возникает всякий раз, когда определенные идеи «овладевают массами», так что этот общий признак не может являться скрепой в конкретной исторической ситуации; все зависит от конкретного *содержания* соответствующих идей. Также и метафизика приходит на смену диалектике в эпоху торжества консерватизма, а диалектика на смену метафизике – в эпоху революционных изменений. Аналогичным образом рассматривается вопрос о соотношении разума и веры – один из «вечных» вопросов философии; просто одни верили в Бога, другие – в коммунизм, третьи – в научно-технический прогресс и т. д.

Другой вариант решения вопроса о соотношении советской и русской религиозной философии можно найти в статье А.В. Черняева [4], который констатирует, что «философия по своей природе интернациональна, однако любая конкретная философия обладает национальным стилем, и российская философия не исключение. Она развивается в диалоге с актуальными направлениями зарубежной мысли и в преемственности с собственной традицией» [4, с. 44]. Подобная аргументация вполне соответствует мировоззрению, которое господствовало в нашей стране в последние годы существования СССР: лучший способ решения любой проблемы – сделать вид, что все хорошо и *никакой проблемы вообще нет*. Действительно, отечественная философия, как флюгер, испытывала диаметрально противоположные влияния извне, но всегда держала нос по ветру. Однако во все времена эта философия была: 1) преимущественно в России; 2) преимущественно на русском языке. Подобного рода *географический и лингвистический детерминизм* – вполне рабочая гипотеза, правда, замещающая присущий классической философской традиции перманентный поиск истины постмодернистским «диалогом», где главное – перманентно присутствовать в соответствующем информационном поле, а в качестве кого – неважно, потому что все равно никто никого не слушает.

Т.В. Наумова поднимает вопрос о недооценке советского периода истории отечественной философии [5, 6], что, по её мнению, вызвано преимущественно

эмоциональными причинами [5, с. 24], связанными с сокрушительным провалом коммунистического проекта в нашей стране, в отличие, например, от Китая, где этот проект до сих пор успешно осуществляется. В такого рода интерпретации имеется определенный смысл. Если рассматривать советскую философию как разновидность интеллектуальной регрессии, то это не вписывается в просветительскую теорию интеллектуального *прогресса*, так что обозначаются контуры альтернативной ей теории интеллектуального *вырождения*. Вполне очевидно, какое место отводится в последней современной постсоветской философии.

На наш взгляд, наиболее обоснованная попытка реабилитации советской философии была предпринята С.Н. Корсаковым [7]. Говоря о ключевых мифах в истории русской философии, он подвергает критике представление о зарождении философии в нашей стране в XI веке, указывая, что «достаточно поставить вопрос: можно ли говорить о профессиональной философии в стране, где ещё не сложилась наука? – чтобы время возникновения её в России было отнесено только на вторую половину XIX в.» [7, с. 70]. Далее развенчивается миф о том, что «вершиной русской философии является религиозно-идеалистическая философия “Серебряного века”, а “чёрным” годом для русской философии стал год высылки политически активных философов – противников большевиков – из России» [7, с. 70]. Здесь автор особенно категоричен. Он утверждает, что ключевым в истории русской философии стал выбор между М.М. Троицким и В.С. Соловьёвым, претендовавшими на заведование философской кафедрой историко-филологического факультета Московского университета. «Выбор между Соловьёвым и Троицким стал поистине судьбоносным, определил весь последующий путь развития философии в России. Из этой точки философия в России пошла двумя путями: профессиональная философия, тяготевшая к европейскому стилю и направлениям философии и не выходявшая за рамки университетских курсов, и внеуниверситетская философия, которая вскоре монополизировала право называться “русской философией”» [7, с. 72]. При этом на всемирные философские конгрессы, проводившиеся с 1900 года на Западе, приглашали исключительно философов «европейского стиля», игнорируя «православных публицистов, пропагандистов “русской идеи”» [7, с. 73].

Здесь ключевой термин – «профессиональная философия, не выходящая за рамки университетских курсов». Попробуем разобраться, что она собой представляет. Мы последуем за Д.А. Гусевым [8], который далеко не первым указывает на принципиальную двусмысленность термина «философия». Например, существует религия, практика которой предполагает наличие у субъекта религиозной веры, и *религиоведение* – научная дисциплина, предметом которой является религия. Спрашивается, *должен* ли религиовед быть верующим? Нет! Даже если соответствующая религия умерла и у нее нет ни одного живого последователя, как, например, у античного язычества, все равно она может быть предметом научного исследования. Другой вопрос: *может* ли религиовед быть верующим? Конечно! Однако с точки зрения *научной объективности* неверующий религиовед оказывается предпочтительней верующего, который изначально ангажирован, то есть выступает в качестве апологета соответствующего вероучения, как упомянутые С.Н. Корсаковым «православные публицисты». Аналогичным образом следует различать философию, предполагающую практику *философствования*, и «*философоведение*» [8, с. 422], понимаемое как научная дисциплина, предметом которой является философия. Философовед или *преподаватель философии* – это и есть тот, кого С.Н. Корсаков

обозначает в качестве профессионального философа. По аналогии с предыдущим можно задать вопрос: должен ли философствовать? Конечно, нет! Может ли он философствовать? Безусловно! Что, однако, предпочтительнее в плане научной объективности? По аналогии с предыдущим – первое. Философствующий философ будет трактовать построение других философов через призму своей философской системы, используя идеи последних как *строительный материал* для себя.

Сказанное выше позволяет понять смысл следующего полемического пассажа С.Н. Корсакова: «Власть, руководствуясь собственными интересами, не думая вообще о философии, не собираясь вводить никакой марксистской философии вместо немарксистской, содрала с русской философии “нарост”, который с момента её формирования мешал ей развиваться как профессиональному знанию [курсив С.Н. Корсакова – Т.Ф.]. Высылка 1922 г. имела исключительно положительные последствия для развития философии внутри России: ее результатом стало (впервые в истории страны) свободное развитие профессиональной философии». И далее: «Вторая половина 1920-х гг. дала бурный расцвет философии в России [курсив С.Н. Корсакова – Т.Ф.]. Исторически сложилось так, что в этот пиковый период профессиональной философии она развивалась в марксистской форме. Ничего удивительного в этом нет, ведь марксизм всегда был одной из разновидностей научной философии» [7, с. 74].

Таким образом, советская власть отделила овец от козлищ, изгнав из страны «неправильных» философов и оставив «правильных» философов, основная задача которых – *учебно-просветительская*, то есть без субъективных искажений транслировать идеи «правильных» философов, которые в советской «единственно истинной» философии были представлены аналогом христианской Троицы – К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным. В другой исторической ситуации непредвзятые философы аутентично излагали бы обучаемым идеи совершенно других «правильных» философов, например Людвиг Витгенштейна или Карла Поппера. К сожалению, во все времена именно у философов в первую очередь возникает искушение философствования, подобно тому, как у бухгалтера, оперирующего чужими деньгами, может возникнуть желание сделать их своими. Поэтому именно профессиональные философы периодически оказываются в рискованном положении, как, например, один из наиболее талантливых представителей советской философии эпохи ее заката Э.В. Ильенков, о котором В.Ю. Файбышенко написала, что он «был материалистическим реалистом, сражающимся с позитивистским номинализмом» [9, с. 50]. Отсылка к высокой схоластике здесь неслучайна: *философствующий субъект* на фоне апологетов, адекватно, без всяких дополнений от себя, транслирующих «единственно истинное учение» в массы, всегда выглядит как еретик, заслуживающий только костра.

Обсуждение. Суммируем сказанное. В современном мире наблюдается противоборство двух тенденций – *глобализации и фрагментации*. В этом плане русская религиозная философия и «русский» или советский марксизм *несоизмеримы*. Суть глобализации в том, что к концу XIX века только одна из множества существовавших на протяжении истории цивилизаций – западноевропейская, наконец, утвердила себя в качестве *планетарной*, создав мировую колониальную систему и попутно навязав другим народам свою систему ценностей, объявив их «общечеловеческими». В результате естественное историческое развитие неевропейских цивилизаций либо в существенной степени исказилось вследствие необходимости

приспособления к глобальной цивилизации, либо, как цивилизации американских индейцев, они погибли, будучи не в силах приспособиться к ней. Борьба неевропейских цивилизаций за *самосохранение* усиливает тенденции к фрагментации в современном мире, причем у России одна из наиболее богатых и трагических историй подобного рода борьбы. Её философский итог – формирование *национальной* русской религиозной философии.

Советская философия качественно иная, поскольку она представляет собой один из этапов развития марксизма, то есть нечто, привнесенное извне, *один из этапов духовной экспансии глобальной западной цивилизации*. Конечно, попав на русскую почву, марксизм с необходимостью становится русским, равно как попав на китайскую – китайским. Но от этого он не перестает быть марксизмом, подобно тому, как византийское православие, утвердившись на Руси, стало русским, не перестав при этом быть православием. Более того, именно в советский период русская философия впервые в истории выходит за свои национальные пределы, тем самым перестав быть русской, превратившись в *интернациональное*, мировое явление. Правда, это продолжалось исторически весьма недолго, подобно тому, как одна из древнейших мировых религий – буддизм – на короткое по историческим меркам время утвердился в Индии, однако затем буддизм был вытеснен оттуда национальной религией – индуизмом, продолжив существование за пределами своей исторической родины. Соответственно с русской земли в конце XX века марксизм был фактически вытеснен, но в мировом масштабе он никуда не делся, и его история продолжается.

Что же касается современной постсоветской философии, то проблемы, стоящие перед ней сегодня, поистине неразрешимы. На наш взгляд, их наиболее полно выразил Ф.И. Гиренок: «Философы современной России оказались в двусмысленном положении. Посредством языка они соотносят себя с русским дискурсом. Но русская религиозная философия умерла. Поэтому в этом соотношении есть язык и мертвые мысли. Посредством мыслей мы соотносим себя с европейской философией, то есть мысли у нас есть, но языка для них нет. Поэтому философы современной России мечутся между языком без мысли и безъязыкими мыслями» [10]. С одной стороны, в эпоху усиления тенденции к фрагментации в России постсоветская российская философия должна позиционировать себя как религиозную, точнее, православную. С другой стороны, профессиональная философия, точнее, отечественное философование, должно позиционировать себя как научную дисциплину в целях *собственной выживаемости* в университетском пространстве. Но нововременная наука, равно как и машинная техника, есть чисто западное явление, навязанное большей части современного человечества извне вместе с колониальной системой и «общечеловеческими ценностями», то есть объективно работает *против* тенденции к фрагментации. Превращение постсоветской философии в служанку науки, в ухудшенную версию позитивистской философии науки, номинализму которой противостоял «реалист» Ильенков, вряд ли существенно исправит её двусмысленное положение.

Результаты. На наш взгляд, построение постсоветской философии как научной, то есть как продолжения советской философии, но без марксизма, – тупиковый путь. Равно как и попытки возрождения в эпоху постмодерна русской религиозной философии. Новая русская философия не должна быть *ни научной, ни религиозной*. В данной связи имеет смысл обратить внимание на одну из западных альтернатив

позитивистской философии науки, а именно на *экзистенциальную философию*, представленную работами М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.П. Сартра, А. Камю и др., то есть *не англоязычных* мыслителей, что, собственно, и наблюдается в недрах современной российской философии. Именно экзистенциальная проблематика, а вовсе не философия науки, наиболее органично вписывается в отечественную культуру, и хочется верить, что будущее отечественной философии – именно за ней.

Список литературы

1. Быстров, В.Ю. Судьба русской философии и современность. Трансформации ценностей и трансформация моделей. Часть I / В.Ю. Быстров, В.М. Камнев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34, вып. 3. – С. 333–347.
2. Быстров, В.Ю. Судьба русской философии и современность. Мировоззренческие установки и их влияние на историко-философский процесс. Часть II / В.Ю. Быстров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, вып. 2. – С. 234–249.
3. Красиков, В.И. Советская философия: основные черты / В.И. Красиков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 8. – С. 132–137.
4. Черняев, А.В. «Разрывы и связи»: проблема преемственности в русской философии / А.В. Черняев // Вестник славянских культур. – 2015. – № 3 (37). – С. 32–48.
5. Наумова, Т.В. Некоторые размышления о проблемах исследований и периодизации истории советской философии / Т.В. Наумова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 1 (107). – С. 23–27.
6. Наумова, Т.В. Советская философия: из прошлого в будущее? / Т.В. Наумова // Свободная мысль. – 2010. – № 4 (1611). – С. 107–116.
7. Корсаков, С.Н. Мифы и истины в истории русской философии / С.Н. Корсаков // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 69–85.
8. Гусев, Д.А. Философия и «философование»: к вопросу о статусе философии как учебной дисциплины / Д.А. Гусев // Современное образование: векторы развития. Роль социогуманитарного знания в формировании духовно-нравственной культуры выпускника педагогического вуза: материалы международной научной конференции. – 2017. – С. 419–426.
9. Файбышенко, В.Ю. Вещи без слов и целое без частного. Советская философия Эвальда Ильенкова / В.Ю. Файбышенко // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 5 (120). – С. 45–64.
10. Гиренок, Ф.И. О русском и советском дискурсах и разрыве между ними / Ф.И. Гиренок // Философия хозяйства. – 2011. – № 2 (74). – С. 81–89.

References

1. Bystrov V.Yu., Kamnev V.M. The fate of Russian philosophy and modernity. Value transformations and model transformation. Part I. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2018;34(3):333-347 (In Russ.).
2. Bystrov V.Yu. The fate of Russian philosophy and modernity. Worldview attitudes and their influence on the historical and philosophical process. Part II. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2019;35(2):234-249 (In Russ.).

3. Krasikov V.I. Soviet philosophy: the main features. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2009;8:132-137 (In Russ.).
4. Chernyaev A.V. "Breaks and connections": the problem of continuity in Russian philosophy. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2015;3(37):32-48 (In Russ.).
5. Naumova T.V. Some reflections on the problems of research and the periodization of the history of Soviet philosophy. *Bulletin of Orenburg State University*. 2010;1(107):23-27 (In Russ.).
6. Naumova T.V. Soviet philosophy: from the past to the future? *Freedom thought*. 2010;4(1611):107-116 (In Russ.).
7. Korsakov S.N. Myths and truths in the history of Russian philosophy. *Questions of philosophy*. 2015;5:69-85 (In Russ.).
8. Gusev D.A. Philosophy and "philosophy": to the question of the status of philosophy as an academic discipline. *Modern education: development vectors. The role of socio-humanitarian knowledge in the formation of the spiritual and moral culture of a graduate of a pedagogical university*. Materials of the international scientific conference. 2017;419-426 (In Russ.).
9. Faibysenko V.Yu. Things without words and the whole without private. Soviet philosophy of Ewald Ilyenkov. *Logos*. 2017;27(5):45-64 (In Russ.).
10. Girenok F.I. On Russian and Soviet discourses and the gap between them. *Philosophy of economics*. 2011;2(74):81-89 (In Russ.).

Информация об авторе

ФИЛАТОВ Тимур Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 7827-2703. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

Information about the author

FILATOV Timur V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 7827-2703. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru